
Н. Л. ВИНОГРАДОВА, Е. Ю. ЛЕОНТЬЕВА

**ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО
К КОНКРЕТНОМУ: ОБРАЩЕНИЕ
К ИСТОКАМ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД**

Наличие четкой, хорошо разработанной методологии является одним из условий позитивного развития той или иной области знания. Критика некоторых новых научных дисциплин часто основана именно на отсутствии у последних собственной методологии. На первый взгляд современные философские исследования являют собой образец разнообразия методологических подходов, плюрализм методик и способов познания выбранного предмета: достаточно посмотреть несколько авторефератов последних лет на соискание степени доктора или кандидата наук. Однако с уверенностью можно сказать, что две крайние позиции в методологической рефлексии современного философского анализа принадлежат, с одной стороны, формальной логике, с другой – постмодернистской ризоме. К сожалению, использование плодотворной, дающей исключительно положительные результаты, к тому же проверенной временем диалектической методологии редко находит отклик у современных, особенно молодых, исследователей. Оптимистично убеждены, что это лишь следствие внезапно обрушившейся методологической свободы, пресыщенность которой становится все более очевидной.

Разработанная в рамках классического марксизма, диалектическая методология иногда намеренно игнорируется исследователями, иногда упускается вследствие элементарного незнания, что ведет или к «изобретению велосипеда», или к парадоксальным ризомальным выводам. В первом случае начинают кивать на «гениальный Запад», как в случае с идеей И. Лакатоса о том, что «философия науки без истории пуста, история науки без философии науки слепа». Как верно отметил С. Н. Мареев, «что по существу означает единство логического и исторического, о чем никто

из наших “философов науки”... даже не заикнулся¹. Выводы же, полученные в результате ризомальных построений, заставляют приверженцев классической традиции в лучшем случае пожимать плечами, в худшем – вступать в открытый конфликт с их создателями.

Классическая методология часто снимает реальные или надуманные проблемы, следует лишь овладеть ее приемами, осознать базовые принципы. Так, любой исследователь независимо от его философской ориентации знает, что «всякое начало – трудно» и что «эта истина справедлива для всякой науки»². В рамках методологии восхождения от абстрактного к конкретному эта проблема решается путем нахождения некоего единого стартового основания, позволяющего восходить к действительному пониманию сути изучаемого явления или процесса по мере их усложнения. Нетрудно догадаться, что речь в данном случае идет о той «клеточке тела», о том «исходном начале», которое должно быть основанием всякого научного познания. В этом начале исследования мы с необходимостью должны зафиксировать то всеобщее, что будет характерно для исследуемого нами предмета на всех этапах его развития, начиная с момента зарождения и обретения своей самости по отношению к другому и заканчивая последними этапами эволюции, когда сам предмет становится другим. В диалектической традиции «такое всеобщее имеет название “абстрактно-всеобщего” и фиксирует то одинаково-общее, что имеет предмет на различных ступенях своего развития. И это общее выражает его “основную конструкцию”, которая составляет первичное (исходное) отношение данного предмета, и поэтому она постоянно воспроизводится на всех последующих этапах его дальнейшего развития»³.

Очевидно, что выделение и фиксация такой «абстракции вообще» свидетельствуют о теоретическом уровне исследования, более того, его самом первом, стартовом этапе. И вполне очевидно, что этому уровню предшествует эмпирическая ступень, где появляются первоначальные понятия, фиксирующие предмет познания на ста-

---

¹ Философское осмысление социально-экономических проблем / под ред. В. Е. Давидовича, Е. Ю. Леонтьевой. – Вып. 10. – Волгоград, 2006. – С. 218.

² Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. – М., 1983. – Т. 1. Кн. 1. – С. 5.

³ Щитов, А. А. Становление диалектико-материалистической концепции формы и содержания. – Ростов н/Д, 1989. – С. 11.

дии созерцания и представления, и который, в свою очередь, завершается выделением указанной абстракции.

Так, всякое исследование следует начинать с анализа того феномена, с которым мы сталкиваемся в реальной «эмпирической жизни» и который в ходе его восприятия и осознания, скорее даже в процессе предметно-практической деятельности с ним, получает название, воплощение в той или иной понятийной форме. К. Маркс, обращая внимание на этот факт, писал, что не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. Исходя из этой, ставшей классической, формулы, он констатирует, что при втором способе рассмотрения «предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов...»⁴.

Например, если мы взялись за исследование такой простой, но вместе с тем и сложной проблемы, как рациональность, мы столкнемся не только с обилием мнений и подходов, но и прежде всего с отсутствием уже упоминавшегося «стартового основания», «клеточки». Только уяснив на уровне представления, что же является собой рациональность, мы сможем тем самым определить ее вообще, выделив то общее и одинаковое, что она имеет на всех этапах своего дальнейшего развития и что остается безразличным по отношению к каждой отдельной ступени ее движения. Другими словами, «рациональность вообще» должна помочь увидеть те основные характеристики рациональности как таковой, которые не схватывают ее конкретно-исторического содержания. В данном случае налицо будет характеристика абстрактной рациональности, которая свободна не только от культурно-исторического и индивидуального бытия, но также от аксиологической и прaksiологической нагруженности. Имея это в виду, рациональность можно определить как особую умопостигаемость объективно общего, своеобразную размерность сознательной деятельности, позволяющую постигать внутреннюю логику бытия. Такое определение рациональности ха-

---

⁴ Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения. – Т. 1. – С. 14–15.

рактируется особыми «безразличными и формальными» чертами по отношению к любому отдельному этапу ее развития. Мы называем их онтологическими и гносеологическими характеристиками и обозначаем как внутренние⁵.

Напомним, что, взявшись за исследование такой «глыбы», как процесс производства и накопления капитала, К. Маркс отталкивается от таких всеобщих абстракций, как «производство вообще», «потребление вообще», «деньги как таковые» и, конечно, «труд». Здесь Маркс был солидарен с Гегелем, полагавшим, что познание «всегда и необходимо начинается с приобретения знания общих принципов и точек зрения, чтобы сперва только дойти до мысли о существе дела вообще»⁶. В своем известном «Введении» к «Критике политической экономии» Маркс, рассматривая проблему начала, приходит к выводу о том, что в начальном пункте исследования любой развивающейся целостности прежде всего необходимо выявить «всеобщие абстрактные определения», или «абстракции вообще», потому что именно в них «фиксируется всеобщее или выделенное путем сравнения общее»⁷. Для Маркса (в отличие, например, от Д. Рикардо) было очевидно, что обоснование проблемы начала – это уже теоретический уровень развития науки, которому предшествует эмпирический этап, берущий свое начало с исследования «живого целого», с «чувственно-конкретного» и заканчивающийся выделением «абстракции вообще». «Но уже это первое представление о предмете научного познания как о “чувственно-конкретном” отделяет научную форму сознания от сознания обыденного, которое базируется на стихийно-эмпирических представлениях людей... И самое главное их отличие заключается в том, что научное познание с момента своего возникновения движется, опираясь не на индивидуально-психологические представления субъекта, но на представление о всеобщем, то есть о той реальной цело-

---

⁵ См. об этом более подробно работы Е. Ю. Леонтьевой: От «рациональности вообще» к ее конкретным типам // Академический вестник: Ежегодник Ростовского филиала российской таможенной академии. – Вып. 2. – Ростов н/Д, – 2004; О понятиях «рациональность» и «разум» // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2004. – № 2; Рациональность и ее тип (от абстракции «вообще» к конкретному воплощению) // Философское осмысление социально-экономических проблем: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 5. – Волгоград, 2003.

⁶ Гегель, Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. – Т. 4. – М., 1930–1959. – С. 3.

⁷ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 21.

стности, которая существует объективно, независимо от индивида и воспроизводится средствами научного познания»⁸.

Однако очевидно, что действительный, реальный предмет научного исследования не может исчерпываться и не исчерпывается только абстрактными качествами, они односторонни, и даже на интуитивном уровне чувствуется незавершенность подобных характеристик, их открытость, отрыв от реального человека, действительного мира, имеющих настоящее, вполне конкретное, а не абстрактное существование. По емкому замечанию К. Маркса, «абстракции эти сами по себе, в отрыве от действительной истории, не имеют ровно никакой ценности»⁹ и не являются какими-то «искусственно сконструированными идеальными типами, а являются научными абстракциями, отражающими наиболее общие, сущностные черты объективной реальности»¹⁰. Однако задача формирования первоначальной абстракции и предполагает обозначение таких общих принципов и характеристик, которые присущи изучаемому объекту на всех этапах развития и не детерминированы объективными реальными ситуациями и жизненными мирами.

Подобные абстракции допустимы в теоретическом исследовании, более того, оправданы в его начале. Реальная жизнь не знает, что такое абстракция вообще, а потому и научное исследование не должно на ней останавливаться, оно должно прежде всего отражать процесс становления действительного, живого объекта исследования, в нашем примере – рациональности, показать, каким же образом, благодаря каким факторам и причинам голая абстракция «не истлевает в себе», а становится актуализированным бытием. Наглядно понять это можно на примере становления конкретного типа рациональности, когда «абстракция вообще» обретает свою плоть и кровь, становится действительной, актуализированной.

Процесс восхождения от абстрактной «рациональности вообще» к действительной, «живой» рациональности осуществляется через реализацию внутренних характеристик рациональности и пу-

---

⁸ Шитов, А. А. Указ. соч. – С. 12–13.

⁹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения. – Т. 1. – С. 15.

¹⁰ Гобозов, И. А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому тупику (Философский очерк). – М., 2005. – С. 67.

тем обретения (причем в разной степени) определенностей внешних. К первым мы относим гносеологические и онтологические черты рациональности, ко вторым – аксиологические, праксиологические, культурно-исторические и экзистенциальные. Важно отметить, что процесс этот по сути есть процесс становления того или иного типа рациональности. Другими словами, именно в своем типе рациональность и обретает свое бытие, обретает свою конкретность, свою самость и действительность. Об этом процессе уже невозможно говорить на уровне чистых абстракций, необходимо использовать конкретно-исторический подход, позволяющий проследить возможные пути обретения рациональностью своего бытия.

Реальная конкретность для теоретической мысли в процессе перехода (восхождения) от абстрактного к конкретному выступает той предпосылкой, которая, по словам Маркса, должна постоянно «витать перед нашим представлением». Между реальной конкретностью и ее воспроизведением в мысленной конкретности теоретической системы лежат промежуточные звенья концептуального анализа, позволяющие вписать эмпирические данные в мысленную конкретность, объяснить и разрешить те несоответствия и противоречия-антиномии, которые возникают между абстрактной теоретической схемой и конкретной реальностью.

Любой предмет, рассмотренный «вообще», остается «в области абстрактного и бесследно истлевет в себе», если становление и актуализацию своего бытия не осуществляет в тех или иных своих конкретных формах. Так, «рациональность вообще» не имела бы никаких перспектив своей конкретизации и, безусловно, осталась бы в области абстракции, если бы не воплощалась в своих конкретных типах, о которых в последнее время написано немало работ (античный, нововременной, классический, неклассический и т. д.). Другими словами, проявление и реализация внутренних характеристик рациональности всегда осуществляется в конкретном месте и времени, в деятельности конкретных людей или групп, что и формирует внешние (так мы их назовем) для рациональности признаки – ее аксиологический смысл, праксиологическую значимость, обусловленность духовным контекстом каждой культурно-исторической эпохи и индивидуальным жизненным миром. Именно по-

этому собственно рациональность, не «абстрактная», не «вообще», всегда есть ее определенный тип. Если мы говорим о реально (а не в теории) существующей рациональности, то, хотим мы этого или нет, мы всегда говорим о ее конкретном типе. Этим, на наш взгляд, и объясняется та ситуация в исследовательской литературе, когда вопрос о рациональности так или иначе сводится и упирается в проблему ее типологизации.

Однако то, каким образом исследуемый предмет «оживает», приобретает черты реального феномена, уже невозможно показать вообще, как невозможно одновременно продемонстрировать становление всех его форм или типов. Так, говорить о «живой», действительной, актуальной рациональности невозможно без и вне ее конкретно-исторического типа, поскольку именно в нем «рациональность вообще» как голая абстракция в «спектре своих возможностей» обретает себя, реализуя свои внутренние характеристики и приобретая внешние. Процесс обретения рациональностью своего бытия так же многообразен и разнопланов, как и те конкретно-исторические эпохи или ситуации, в рамках которых он осуществляется. Именно поэтому рациональность не ограничивается каким-либо одним типом, их возникает множество, при этом каждый из типов по-своему уникален. Это многообразие во многом отражено в философской исследовательской литературе, где лейтмотивом звучит мысль о необходимости систематизации типов и создания их иерархической теории.

До сих пор мы говорили о применении классической методологии при обращении к проблеме рациональности, которая традиционно разрабатывается в русле онтологии и теории познания. Надо отметить, что данная область философских изысканий исконно считалась вотчиной «чистой» мысли, и, соответственно, можно сказать, нет ничего удивительного, что, исследуя рациональность, мы обращаемся к классическому, фундаментальному диалектическому методу восхождения от абстрактного к конкретному. Однако не менее актуальным является использование данной методологии и в социальной философии, исследования которой являются весьма распространенными в сегодняшних научных кругах. Веер наиболее часто обсуждаемых проблем хорошо известен: свобода и права личности, социальная справедливость и защищенность, взаимоот-

ношения макросоциума и человека, идентичность и национальные связи, тендерные исследования и экологические вопросы и т. д. Поднимаются проблемы достаточно насущные, сложные и неоднозначные, но, к сожалению, в подобных работах, как правило, выделяется какой-либо конкретный аспект, и в итоге исследователи приходят к частным выводам, полученным в результате применения частной методологии. Такой подход более характерен не для философских, а для конкретно-социологических исследований, где он вполне оправдан и продуктивно работает. Применение же подобных редукций в социальной философии обедняет науку, не позволяя выйти на уровень действительно философских обобщений.

Данная ситуация вполне объяснима, так как исследования социальных феноменов сопряжены с определенными трудностями, одной из которых при раскрытии сущности социальных явлений является невозможность их описания единой моделью или теорией, с использованием единой методологии. Приходится прибегать к совокупности методологических принципов, каждый из которых отражает какой-то специфический аспект поведения объекта, будучи заведомо неполным. При этом в ходе решения поставленной исследователем задачи часто идут не от самого объекта, а от того взаимодействия, в которое этот объект вовлечен. Дополнительная сложность возникает также вследствие того, что знание о сложных социальных явлениях, объектах и системах определяется не только и даже не столько их сущностной природой, сколько отношением к ним познающего субъекта, целями исследования, средствами и методами познавательной деятельности.

Однако многие трудности могли бы быть успешно решены именно в рамках философского знания при использовании метода восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку эта методологическая линия представляет собой стержень, на который можно нанизывать различные конкретные методологические теории, и выстроенная таким образом целостная методология исследования не будет рассыпаться при первой же критике и проверке опытом.

Естественно, что полное абстрагирование от социальной действительности, так же как и уход от теоретических абстракций, не принесет позитивного результата в рассмотрении социально-философских вопросов. Современная философия уже прошла пе-

риод необоснованного увлечения схоластическими конструкциями, так же как и доминирования проблем «повседневности», решаемых в пределах частных теорий и методологий, например, когда сущность коммуникации раскрывается на опыте кастрюли с водой, поставленной на огонь (Бодрийяр Ж. «Америка»). Сейчас наступает третья, закономерная стадия синтеза этих двух методологических установок, в русле которой активно развивается социальная онтология, позволяющая ставить вопросы о социальной материи, социальном взаимодействии, социальном времени и пространстве. Так, при исследовании социального взаимодействия мы, следуя обозначенной выше классической методологии, сначала выявили, а затем опирались на абстрактную теоретическую конструкцию, позволившую нам выделить его сущность, структуру и основные свойства, имеющие место на любых уровнях социального бытия. Однако было бы принципиально неверно остановиться на данном этапе, поэтому для выхода к конкретной, реальной действительности следует рассматривать реализацию изучаемого феномена в конкретных исторических условиях, на определенном социальном пространстве Запада, Востока или России. «...Но речь идет о действительных, действующих людях»,¹¹ и следующим этапом приближения к ним является анализ феномена взаимодействия в экономике, политике, культуре, затем в социальных группах различного масштаба и, наконец, особенности взаимодействия личности, личности-творца. Такой подход позволил нам создать целостную концепцию социального взаимодействия, которая снимает ряд трудностей при решении конкретных вопросов, связанных с теоретическим и практическим анализом социальных изменений¹².

Исключительный образец подобного восхождения от абстрактного к конкретному, как уже отчасти отмечалось выше, представлен в «Капитале» К. Маркса. Отталкиваясь от целой системы структурированных и обоснованных экономических абстракций, мыслитель показал, что за экономическими отношениями стоит не

¹¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранные произведения: в 3 т. – Т. I. – М.: Политиздат, 1985. – С. 13.

¹² Более подробно об этом см.: Виноградова, Н. Л. Диалогическое взаимодействие и социальное пространство. – Волгоград, 2006. – 216 с.

только производство вещей, материальных благ, но и производство всех социальных отношений, и в конечном счете – производство самого человека. Только с позиции диалектики как всеобщей теории развития Марксу удастся рационально объяснить природу стартовых «абстракций вообще», используемых в «Капитале». Например, «труд вообще» как простая абстрактная деятельность, как расходование рабочей силы, реализация способности трудиться был известен с древнейших времен. Это была простейшая, непосредственная деятельность, изначально весьма бедная по своему содержанию: обработка первых орудий труда, первые попытки обустроить или построить жилище и т. д. Далее шел процесс длительного исторического развития, в результате которого усложнялись как орудия труда, так и отношения между людьми, что приводило к появлению новых и гораздо более сложных, чем прежде, форм труда. Тем не менее, какой бы сложной ни оказалась вновь возникшая форма труда, наряду со всеми сопутствующими ей внешними признаками и характеристиками, всегда и постоянно будет воспроизводиться простой труд, «труд вообще», который выступает как «расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием»¹³. И хотя реальная способность человека трудиться всегда реализуется здесь и сейчас, в конкретной исторической ситуации, конкретным человеком со своим мировоззрением, положением в обществе и т. д., в конкретном государстве и вполне определенной сфере производства, «тем не менее, для каждого определенного общества это есть нечто данное»¹⁴.

То многообразие форм труда, о которых говорит Маркс и которые непременно являются следствием разворачивания и реализации «труда вообще» как способности человека расходовать свою способность трудиться, отчасти сопоставимо как с многообразием форм взаимодействия, имеющих место в современном социуме, так и с разнообразием типов рациональности, которое буквально поражает в последнее время. В современной исследовательской литературе выделяют более двадцати различных типов кроме тех, о ко-

¹³ Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. – М., 1983. – Т. 1. Кн. 1. – С. 53.

¹⁴ Там же.

торых уже говорилось выше, это также научная, открытая, закрытая, специальная, ценностная, целевая, коммуникативная и т. д. и т. п.; при этом прослеживается явная тенденция количественного роста типов рациональности, что проявляется, например, в указании на рациональность каждой отдельно взятой науки (рациональность биологии, физики, химии и пр.). Очевидно, что тенденция количественного роста прослеживается и в отношении форм взаимодействия, поскольку современный мир и новые технологии создают новые условия и открывают уникальные перспективы создания и развития форм социального взаимодействия. Многообразие типов рациональности, как и многообразие форм труда и взаимодействия, является естественным следствием процесса конкретизации, восхождением из области абстрактного, и мы вряд ли можем наверняка предположить будущие ситуации формирования их конкретных характеристик. Каждая историческая эпоха и каждый «индивидуальный жизненный мир» приносят свою самость, свою специфику в процесс становления рациональности, обретения ею своего конкретного типа так же, как и формы труда и взаимодействия оказываются в принципе непредсказуемыми: вряд ли еще сто лет назад можно было себе предположить то огромное разнообразие форм труда, которое привнесла с собой компьютерная индустрия.

Проведенная нами параллель при исследовании столь различных феноменов, как рациональность, социальное взаимодействие и анализ труда, доказывает действенность и всеобщность разработанной немецким ученым методологии, несправедливо забываемой в последнее время.